

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

В СОННОМ ЦАРСТВЕ, ПОСРЕДИ РОССИИ

СКАЗ ОБ ОСЕННИХ ИВАХ

Всходит месяц — задирист, хоть мал,
И в куге освещает болото.
Как шумит на ветру чернотал,
Словно плачет погинувший кто-то!

Всходит огненный солнца кристалл,
Обжигает багровые ветви.
Ими машет речной краснотал
Уходящим плотам на рассвете.

Чернотал,
 краснотал,
 белотал —
Однокровники матери-ивы.
Листья падают в чистый хрусталь
Водных струй
 и плывут молчаливо.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился в 1952 году в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и лауреат многих литературных премий. Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе.

Это осень пришла с Сиверов,
И в затерянной в волости Рузе
Посреди деревенских дворов
Грустно бродят домашние гуси.

Им бы в стае пролётной нестись,
Но не видно, откормленных, в стае.
Ведь в такую далёкую высь
Только ивы листва долетает.

Листодёр,
 листобой,
 листопад
Гонят вспять, нерешительных, споро.
Им, как мне, — ни вперёд, ни назад
Не взлететь над затёсом забора!

И становится жизнь не мила,
Хоть ты в омут беги головою...
А всего-то шальная ветла
Манит шали осенней листвою.

НОЯБРЬСКАЯ ИСПОВЕДЬ

В ноябре упало на листву
Сердце
 и зашло от лютой стужи.
Ты не нужен больше никому
И подавно сам себе не нужен.

Что хмельное лето вспоминать,
Подставлять лицо бывлой капели?
Маму звать, а любящая мать
Растворилась в солнечном апреле!

Что там за стеною — хмурь и глад?
Что там впереди — зимы оскома,
Тапочки и байковый халат...
Хорошо бы не в больнице — дома.

Да любимой женщины спина —
Строгая, колючая, чужая.
С совестью бессонная война,
От обиды — рана ножевая.

И в друзей разорванном кругу
Лепестки кафизм на аналое.
Сколько их споткнулось на бегу!?
Сколько проросло плакун-травую!?

Надо жить, а как без света жить?
Темнота копится за порогом.
Камень бел-горюч во мгле лежит,
Без призора брошенный Сварогом.

Это твой последний оберег,
Твой последний луч дневного света...
Холода... Ноябрь... Первый снег...
Исповедь печальная поэта.

“ОРУДИЯ К БОЮ!”
(Марш “Варяга”)

Памяти бабушки Э. В. Рудневой

Над бухтой встаёт желтолицее солнце,
Дымится на рейде эскадра японца.
Но в церкви на юте канон сотворив,
“Варяг” и “Кореец” идут на прорыв!

А где-то в России, в снегах молчаливых
Тоскуют берёзы на волжских обрывах.
И матери снова не спят до утра —
Им письма несут штормовые ветра.

“Орудия к бою! Орудия к бою!”
Грохнет шрапнель над матросской судьбою.
Но выше неё, в корабельных снастях
Трепещет, как чайка, Андреевский стяг!

Остались в тумане окрестные сопки.
Протяжно гудят раскалённые топки.
И в небе режут канонады грома,
И низко к волне накренилась корма.

Огнём запылали морские пучины.
В горящих сердцах не осталось кручины.
От мичмана с юнгой до высших чинов
Запомнит Россия отважных сынов.

Живые шагают по Невскому маршем.
Пусть вечная память останется павшим.
На воду ложатся кругами венки,
В шеренги на баках встают моряки.

От Жёлтого моря до берега Крыма
Плывут бескозырки среди чёрного дыма.
И грозным салютом гремят крейсера,
И следом несётся морское “УРА!!!”

ДЕНЬ МАРТА

Весь день расписан. Март в календаре.
Всё — как всегда: вчера, сегодня, завтра...
Но что-то изменилось на дворе,
И стынет на плите ненужный завтрак.

Забор. А за забором — тёмный лес.
Снега искрятся отраженьем сини.
И, кажется, откуда ждать чудес
Здесь — в сонном царстве, посреди России?

Отброшу с плеч накинутый тулуп,
Спущу с цепи лохматого собрата.
И вздохом пар поднимется из губ,
Тобой согретых в юности когда-то.

И вновь потянет в горницу — к листу,
Оставить строк незажившие шрамы.
И приложить горячий лоб к кресту
Глядящей в окоём оконной рамы.

